

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ИНТЕРСУБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЖИЗНЕННОМ МИРЕ ЧЕЛОВЕКА

А.М. ФЕДОСЕЕВА*,
АППТ, ГБОУ ВПО МПГУ, Москва, Россия,
am.fedoseeva@gmail.com

Г.П. ПИРЛИК**,
ГБОУ ВПО МПГУ, Москва, Россия,
galina@pirlik.ru

В статье представлены результаты качественного исследования феноменологии интересубъектных отношений в инфантильном, реалистическом, ценностном жизненном мире человека. Приводятся характеристики антропологического образа Другого, метафорика его описания, базовые установки, определяющие отношения субъекта жизненного мира и Другого.

Ключевые слова: жизненный мир, интересубъектные отношения, антропологический образ Другого, хронотоп.

Для цитаты:

Федосеева А.М., Пирлик Г.П. Феноменология интересубъектных отношений в жизненном мире человека // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 5. С. 228—239. doi:10.17759/cpp2016240512

* *Федосеева Анна Михайловна*, кандидат психологических наук, член совета профессиональной ассоциации психологов «Понимающая психотерапия», психотерапевт, доцент кафедры психологической антропологии, Московский педагогический государственный университет (ГБОУ ВПО МПГУ), Москва, Россия, e-mail: am.fedoseeva@gmail.com

** *Пирлик Галина Петровна*, кандидат медицинских наук, доцент кафедры психологической антропологии, Московский педагогический государственный университет (ГБОУ ВПО МПГУ), Москва, Россия, e-mail: galina@pirlik.ru

В концепции переживания Ф.Е. Василюка субъект рассматривается в контексте жизненного мира человека. Индивидуальный жизненный мир может быть описан с помощью определенного набора параметров: специфическое *пространство* и *время* жизненного мира, *субъект* жизненного мира и *другой (другие)*, *предметное наполнение* и *особая атмосфера*, *язык* и *миф* [Василюк 2009]. Жизненный мир человека характеризуется особой субъектностью. Об этом пишет В.А. Петровский: «Жизненный мир человека, заключающего чью-либо отраженную субъектность, может быть представлен в виде эллипса, имеющего два фокуса: Я и Другой во мне» [Петровский 2009, с. 63]. Ф.Е. Василюк выделяет четыре типа жизненных миров: инфантильный, реалистический, ценностный и творческий.

Существуют ли какие-то особенные характеристики Другого в разных жизненных мирах, есть ли какая-то специфика разворачивающихся отношений субъекта жизненного мира и Другого? Эти вопросы определили *цель исследования*: изучить феноменологию интерсубъектных отношений с Другим в жизненном мире человека.

Методология исследования. В качестве методологии исследования были выбраны: культурно-деятельностный подход, а именно теория сознания и переживания Ф.Е. Василюка; концепция диалога М.М. Бахтина. В качестве рабочей *гипотезы* исследования было принято утверждение, что существует специфика интерсубъектных отношений «Я—Другой» в жизненных мирах разного типа — инфантильном, реалистическом, ценностном, творческом.

Переживание значимых, актуальных, отношений с интериоризованным Другим определяет (воссоздает) жизненный мир человека. Через внутренний текст, вынесенный вовне, можно выявить качество отношения человека к себе, а значит, и качество его отношений к другим людям. Мы взяли значимые отношения человека, которые разворачиваются в его внутреннем мире, чтобы понять, какими характеристиками обладает Другой и отношения с ним субъекта жизненного мира того или иного типа.

Результаты исследования феномена Другого в жизненном мире человека и характер интерсубъектных отношений (Я—Другой)

В 2013—2016 гг. нами было проведено исследование феноменологии переживания интерсубъектных отношений со значимым Другим. Испытуемыми выступили 93 человека юношеского возраста (девушки и юноши от 17 до 24 лет) и 24 женщины (21—65 лет). Мето-

диками сбора данных были интервью и эссе. Критерием достаточности количества собранных текстов служила наблюдаемая повторяемость вариантов изучаемых феноменов. Методы анализа данных: феноменологический и симптоматический анализ, контент-анализ смысловых единиц и интерпретативный анализ; метод экспертных оценок.

Феноменология отношений со значимым Другим в инфантильном жизненном мире

Особенностью сознания в инфантильном жизненном мире (ИЖМ) является первичная витальность; ее единица — это акт непосредственного удовлетворения любой потребности. Существо с таким жизненным миром, «не будучи способным “ответить” на возникшую критическую ситуацию ни внешней практической деятельностью, ни идеальными преобразованиями психологического мира, отвечает на нее единственно доступными ему средствами — внутрителесными изменениями» [Василук 1984, с. 58]. *Базовая установка ИЖМ* — требование восстановления утраченного блаженного мироощущения простого и легкого мира (аналогичного внутриутробному состоянию ребенка), где все будущие дифференциации (индивидуальная деятельность, инфантильная установка, противопоставленность внешнего и внутреннего и т.д.) существуют в нерасчлененном единстве и лишь потенциально.

Хронотоп этого жизненного мира представляет собой, с одной стороны, стремление к «здесь-и-теперь» удовлетворению потребности, т.е. к удовлетворению, не требующему усилий и ожидания, а с другой стороны — «стремление к такой полноте обладания предметом потребности (и даже растворенности в нем и отождествленности с ним), что реализуемое при этом жизненное отношение застилало бы собой весь горизонт психологического мира...» [Там же, с. 59].

Таким образом, *хронотоп ИЖМ* — «здесь-и-теперь»: нет того, что было, нет того, что будет, есть только настоящее. Время равно вечности, оно не имеет внутренней динамики, существует только «навсегда». Пространство не имеет протяженности, только «тут» (тут-и-теперь). С субъектом ИЖМ все случается, он жертва, он страдает от других. Основной принцип существования — *принцип удовольствия* (не ценности): «комфортно — дискомфортно». Других фигур ценности здесь не появляется. *Принцип реальности* в ИЖМ реализуется в защитном фантазировании.

Другой в инфантильном жизненном мире

Значимый другой в ИЖМ обладает всеми признаками родительской фигуры, субъект ожидает от него удовлетворения своих потребностей — в заботе, витальных потребностей, потребности в привязанности и в обеспечении чувства безопасности, потребности в недифференцированной общности («быть единым целым»).

«...А я ощущала себя маленькой дочкой в руках... в сильных руках доброго и заботливого отца». Мать об отношениях со взрослой дочерью: «Мне хотелось бы от нее больше тепла, заботы, внимания, а получается, что она продолжает на той же волне, то, что я о ней заботилась, внимание, те-те-те-те, забота, и теперь получается, что игра в одни ворота продолжается»; использование множественного числа (например, «мы», «ко всем» и др.).

Сам Другой при этом остается «в тени»: используются обобщенные слова, безличная форма выражаемого действия (например, «кого-то иметь близкого», «чтобы это что-то было», «у людей», «в семье», «любые люди», «человек», «любой муж», «все мужчины и женщины», «кто-то другой» и т.д.).

Особенность значимого Другого у субъекта ИЖМ состоит в том, что его нет или их недифференцированное множество: «В этом волшебном месте людей нет... только животные...»¹ В тексте переживания у субъекта ИЖМ часто возникает множество фигур — «хор голосов»: например, при описании переживания развода: «Половина этажа [соседи, живущие рядом. — А.Ф., Г.П.] от меня отказались...», или: «Все мои подруги говорят, что...» При этом невозможно четко определить, к кому обращен текст говорящего: субъект описывает ситуации, в которых его самого как отдельного персонажа как бы нет. Получается, что текст есть, а кто произносит и кому адресован этот текст — не понятно.

При описании взаимодействия с Другим часто возникает метафора заполнения внешнего пространства при внутренней пустоте, дополнения себя Другим, идея половинок целого. Нужен любой Другой, относительно которого можно обозначить свое существование: «я смотрю в зеркало и понимаю, что без него меня нет...», «если тебя нет, то и меня нет...»; «чувствовать с полуслова», «вместе в одном клубке».

Контакт с Другим запрашивается преимущественно телесный, тактильный: субъекту хочется чувствовать объятия, прикосновения, но

¹ Приводится по материалам аудиозаписи доклада Ф.Е. Василюка «Творческое сопереживание как деятельность терапевта» на научно-практической конференции «Понимающая психотерапия: техника — тактика — теория», 19—21 июня 2015 г.

не разговора или совместного действия. Другой в ИЖМ проявляется через ощущения субъекта, через переживания удовлетворенности или неудовлетворенности (примеры высказываний: «купаться в руках», «чувствовать родное плечо», «пусть он там за хвост халата как-то дернет, когда ты проходишь мимо, чтобы он видел, что я есть в этом доме», «обнять, а не говорить», «просто быть рядом», «мое сердце усиленно бьется рядом с ним»).

Отношения с Другим в ИЖМ строятся по принципу «легко и просто». Но при этом значимый Другой у субъекта ИЖМ должен быть единственным и навсегда, при этом он оказывается недифференцированным, неотделимым от самого субъекта ИЖМ, «без своего лица». Не важно, кто он (этот Другой), важно, чтобы он подтверждал существование субъекта. Ребенок не смущается, разглядывая лицо как внешний объект. Субъект ИЖМ ценит в Другом только готовность удовлетворять его потребности. В силу недифференцированности Другого от субъекта ИЖМ, в глазах последнего тот наделен особой способностью понимания без слов: «она меня подбадривала... обнимала, когда мне было плохо, видела, когда ко мне вообще подходить не надо было, чтоб я была одна»; «мне это важно. И не только чтобы он замечал, чтобы он понимал, когда мне трудно, когда мне... когда мне нужна помощь. Потому что мне тяжело постоянно намекать. Вот мне кажется, что мужчина должен это чувствовать...»; «ловит каждое движение», «все предугадывает».

Ожидается также, что Другой будет способствовать активности, поддерживать, помогать в непосредственном удовлетворении потребностей. Примеры: «я — легкая, и мужчины у меня — легкие»; «не говорил о себе, не ограничивал меня в общении»; «давал то, что я хочу»; «позволяет шалить, удовлетворяет потребности, эмпатичен».

Занудность, ревность, жадность — характеристики Другого из описания самых неприятных «пороков» значимого Другого субъектом ИЖМ. Занудность — это желание (Другого) говорить о себе, о том, что *не интересно субъекту ИЖМ*. Ревность и жадность — переживаются как попытки со стороны Другого ограничить «естественный» процесс удовлетворения потребности в общении, в получении удовольствия от каких-либо ресурсов Другого.

Самая частая коммуникативная трудность — *чувство обиды*. Другой обязан удовлетворять потребности, иначе ставится под вопрос само ощущение нераздельности, совместности существования. Предательство (измена) — может быть лексическим определением обиды «навсегда» в инфантильном жизненном мире.

Пример. Девушка, 18 лет: «Подруга перестала дружить, предала: человек всегда был независим от меня, чего я не могу сказать про себя. Просто я не замечала этого и старалась не придавать этому значение и убеждала

себя в обратном... что это пустяки, что это нормально, что это должно быть, что одни люди **отказываются от других**».

Таким образом, Другой в ИЖМ обладает рядом следующих характеристик: недифференцированность от субъекта ИЖМ, отсутствие «лица», акцентирование телесных ощущений и требование непосредственного удовлетворения потребности субъекта (подобно требованию ребенка к родителю).

Феноменология отношений со значимым Другим в реалистическом жизненном мире

В реалистическом жизненном мире меняются хронотоп и пространство: «Трудность внешнего мира означает наличие “протяженности”, то есть пространственной удаленности (жизненных благ) и временной длительности (необходимой для устранения удаленности)...» [Василюк 1984, с. 61]. *Базовая установка реалистического жизненного мира (РЖМ)* — это механизм терпения — надежды. Под влиянием стремления организма к самосохранению принцип удовольствия сменяется «принципом реальности».

Принцип реальности: нужно устроить свою внутреннюю реальность, чтобы она полностью соответствовала внешней. Показатель адекватности внутренней реальности — достижение целей. У субъекта РЖМ развивается способность *удовольствоваться любой заменой предмета потребности*, лишь бы потребность была удовлетворена. «Узкая и интенсивная направленность субъекта в мир создает иллюзию чрезвычайной фиксированности его на данном предмете, буквально “сращенности” с ним... субъект с простым внутренним миром в принципе согласен на любой суррогат, хоть в какой-то мере удовлетворяющий его потребность, потому что все качества предмета, не имеющие непосредственного отношения к удовлетворяемой им потребности, никак его психологически не затрагивают и в расчет не принимаются» [Там же, с. 66].

Другой в реалистическом жизненном мире

В РЖМ значимый Другой — это некоторая фигура, в которой важна ее объектность: статус, функциональные возможности. Это может быть фигура власти или подчинения, источник пользы, выгоды.

Антропологические образы Другого в реалистическом жизненном мире лучше рассматривать в ролевой паре, где роль Другого дополняется собственной и если меняется, то также симметрично. Можно встретить такие пары: «король(ева) — паж», «наставник (гуру) — по-

слушник», «агрессор — жертва», «хозяин — слуга», «начальник — подчиненный», «учитель — ученик», «кумир — поклонник», «святой — последователь».

Другой человек воспринимается с позиции его функциональной пригодности для решения собственных задач. И сам себя субъект РЖМ рассматривает с точки зрения полезности, соответствия требованиям, способности — неспособности. Я (или со мной) могу заключить союз, но пока это выгодно. Другой оказывается средством. В этом мире нет любви как признания ценности другого. Есть использование Другого во всех его проявлениях — телесных, духовных, интеллектуальных. Есть цели, задачи, а совести, любви, дружбы как ценностного переживания нет.

В РЖМ можно выделить несколько типов значимых Других. Первый тип выступает в *отношениях власти*, второй — в *отношениях выгоды*.

Рольевая позиция «власть — подчинение»

Значимый Другой — властный, контролирующий, требующий беспрекословного подчинения или слабый, неспособный, беспомощный. Переживание субъектом себя как слабого, беспомощного вызывает ощущение собственной неполноценности, недостойности любви, которое компенсируется попыткой контролировать Другого. Т.е. негативное восприятие себя приводит к стремлению стать контролирующим или подчиниться, получив тем самым недостающее внимание и любовь Других.

В РЖМ нет принимающей фигуры Другого, которая позволяет быть слабым, беспомощным, но «хорошим, любимым». За хорошие отношения нужно бороться (добиваться), их нужно «заслужить». Каждое достижение предмета потребности таково, будто дело идет о жизни и смерти. Вследствие простоты внутреннего мира предельно упрощено и смысловое строение образа внешнего мира. Он выполнен в двух красках: *каждый предмет осмысляется только с точки зрения его полезности или вредности* для удовлетворения всегда напряженной единственной потребности субъекта [Василюк 1984, с. 65]. Для описания романтических отношений в РЖМ часто используется лексика боевых действий, агрессии: отбить, добиться, завоевать, выиграть, увести. Субъект не позволяет себе быть слабым: тотальный контроль, тотальная ответственность, убеждение, что больше не на кого положиться, — характерные переживания отношений в РЖМ.

Взаимодействие с Другим, когда один сильный, контролирующий, другой слабый, подчиняющийся, опосредуется психологическими защитами: идентификации с агрессором — если я буду такой же сильной, я смогу не бояться; или, наоборот, демонстрация в поведении детскости,

почитания, беспомощности. Субъект, стремясь развивать поведенческую гибкость, попадает на «другой полюс» ролевой позиции «власть — подчинение» и из жертвы, становится агрессором.

Еще одна особенность значимого Другого в РЖМ — обесценивающее отношение к чувствам и желаниям. Желания, которые невозможно непосредственно удовлетворить и которые рискуют быть неудовлетворенными в перспективе, — обесцениваются, отрицаются. Страх потерять отношения со значимым Другим приводит к отказу не только от осознания чувств, но и от осознания собственных желаний.

Ответственность у субъекта РЖМ выступает как попытка контролировать себя или (чаще) чужую жизнь. Переживание ответственности как контроля в сочетании с убеждением, что Другого контролировать невозможно, приводит к избеганию близких отношений. В этом случае необходимо «соблюдать дистанцию», быть рядом с Другим и чувствовать себя безопасно.

Иной вариант переживания ответственности как контроля рождает потребность оказаться в отношениях, где «ответственность» возьмет партнер. Когда появляется человек, который дает ощущение, что он теперь будет контролировать жизнь субъекта, это воспринимается как любовь. В качестве примера можно привести женские мечтания про «сильное плечо» мужчины.

Коммуникативно трудные ситуации в значимых отношениях с Другим в РЖМ связаны с чувством стыда (как несоответствия общественным нормам) и вины (как страха потерять значимые отношения), скуки (нужно что-то делать вместе).

Пример: Н., 33 года: «Я как женщина — волевая, целеустремленная, решительная, в меру агрессивная, жесткая, где-то до жестокости, твердая, значит, знаю, что он должен делать в этой ситуации или в той». — «А мужчина?» — «Упал — отжался. С тем мужчиной, с которым я встречалась: упал — отжался. Либо будет так, как хочу я, либо ты мне не нужен. И всегда было так, как хочу я. Я не спрашивала, не было компромисса. Подчинялись, а что им оставалось делать?»

Высказывания людей юношеского возраста: «Пришел один и уйдет один»; с которым нужно добиваться контакта, интимности, своей значимости для него; такой же, как я; «не ценит мою откровенность»; «если ты хочешь хорошего отношения от близких, друзей, любимых, от кого бы то ни было, будь любезен под них прогнуться»; «я понял, что приходится подстраиваться под людей, потому что чуть ли ни каждый ставит себя выше другого».

Таким образом, отношения со значимым Другим строятся по типу «власть — подчинение»; субъект может быть либо на одном ролевом полюсе, либо на другом; ответственность переживается как контроль жиз-

ни своей и/или Другого; «Я» в этих отношениях также оценивается с позиции способен (полезен Другому) — неспособен.

Ролевая позиция «берущий — дающий»

В этом варианте отношений субъекта в реалистическом жизненном мире Другой воспринимается как объект, функция, как средство удовлетворения собственных потребностей. В ходе исследования были выявлены такие аспекты таких отношений с Другим.

В ходе интервью можно выделить наиболее частые *потребности*, которые удовлетворяются в отношениях с «полезным» Другим:

— *потребность в безопасности*, удовлетворяемая материальными благами и/или обеспечиваемая социальным статусом человека; Другой воспринимается в роли того, кто добывает и приносит; собственная роль — платить услугами, удовлетворяющими психологические потребности партнера. Схема отношений: давать — получать. Пример: Р., 44 года: «Ты зарабатывай, остальное все я сама сделаю. Касаемо, кто помое посуду, это смешно все»;

— *витальные потребности* — Другой (в женско-мужских отношениях) представлен как польза для здоровья, сексуальных отношений (например, «мужчина — витамин». Пример: Л., 49 лет: «Как это я не признаю мужчин? А витамины? Как мужчины относятся к женщине как к куску мяса, так и мы должны относиться к мужчинам»);

— *потребность в подтверждении себя*, своей значимости, привлекательности для Другого: он — щедрый, помогает, решает проблемы, боготворит, восхищается. Но, в отличие от предыдущего варианта «власти — подчинения», здесь нужно не «заслуживать внимания Другого делами», а «выглядеть», быть внешне привлекательным объектом или иметь высокий социальный статус. Задача субъекта: нравиться, дорого стоить, соответствовать требованиям, быть лучшим. Пример: Р., 44 года: «Это мое. Прежде всего, это мое. Каждая женщина заслуживает своего мужчину. Если этот мужчина рядом со мной, это мое зеркало, это показатель того, какая я. Либо он компенсирует то, что не хватает мне, либо он показывает мне, от чего мне надо...» М., 18 лет: «Вот, ну общаюсь я, конечно, не со всеми, только с лучшими»; «я не могу воспринимать людей, которые ниже меня».

Как вариант удовлетворения потребности в подтверждении, ролевые отношения Учитель — Ученица: великий учитель, до которого можно расти, замечательный мужчина, который будет со мной в отношениях и от которого я многому могу научиться. Пример: Н., 37 лет: «Чтобы он давал мне возможность расти до его уровня». Собственная потребность в статусном подтверждении удовлетворяется переживанием, что «я избранная рядом с избранным».

Трудные коммуникативные ситуации в жизненном мире с таким Другим — обида, разочарование, зависть, стыд.

Таким образом, функциональные отношения со значимым Другим в реалистическом жизненном мире имеют следующие характеристики: Другой оказывается важен для выполнения некоторой нужной субъекту функции, удовлетворения какой-то его потребности.

Другой в ценностном жизненном мире

Особенность этого жизненного мира — внутренняя сложность. Эта сложность задается ценностями и смыслами, мотивационными процессами. «Достижение высшей фазы психологического развития ценности сопряжено не с постепенным ростом ясности и отчетливости осознания ее содержания и значения, а со своего рода скачком, в результате которого ценность из “видимого”, из объекта превращается в то, благодаря чему видится все остальное, — во внутренний смысловой свет» [Васильюк 1984, с. 78].

Фигура Другого также претерпевает изменения: из внешнего «держателя» правил, персонажа, осуществляющего контроль, он становится тем, во взаимодействии с ценностным сознанием которого — формируется собственное ценностно-смысловое содержание жизненного опыта. «Это первые в онтогенезе правила, идущие не извне, а изнутри, и психологически закрепляемые не в форме обращенных к Другому обещаний, а в форме обращенных к себе *обетов*» [Там же, с. 73]. Именно мудрость дает возможность ценностному переживанию решить главную его задачу, состоящую в том, чтобы человек сохранил верность ценности вопреки «очевидной» абсурдности и безнадежности сопротивления реальности.

Другой в ценностном жизненном мире теряет четкую ролевую соотнесенность. Он выступает в многообразии социальных ролей. Важно, что другие начинают делиться на своих и чужих, значимых и не значимых. Друг (другой я) как человек, разделяющий одинаковые ценности, «правильный, соответствующий»; и чужой (иной) как человек, который эти ценности не разделяет.

Значимые люди не просто «случаются», они — выбираются как соответствующие своим ценностям, с ними довольно осознанно строятся отношения: «*Почему я остановила свой выбор на нем, потому что он спокойный и он какой-то правильный, что ли, да*».

Особенности отношения к себе и другим в ЦЖМ исходят из некоторого отвлечения от чувств и желаний, которые не соответствуют ведущим ценностным стандартам субъекта: субъект «не замечает» некоторых свойств «своего» человека, и акцентирует проявления «чужого», не соответствующие его представлениям о должном. В результате возникают

двойные стандарты для чужих и своих. «Своего» человека нельзя критиковать, говорить ему о своем дискомфорте в отношениях; еще лучше даже не осознавать то, что не устраивает. Отношение к значимому Другому — целостное положительное, но «пораженное»: «курит — но вежливый, порядочный — но изменяет» и т.п.

Трудные коммуникативные ситуации: предательство как обнаружение сильных ценностных различий, ситуации принятия Другого как несущего «твоя» и «чуждые» ценности, как мешающего реализации ценностного поступка. Необходимость допускать, *прощать* Другому поступки, ценностно неприемлемые, «не судить» оказывается одной из самых сложных задач в отношениях к Другому.

Таким образом, Другой в ценностном жизненном мире — тот, в присутствии которого осознаются собственные ценности и даются собственные обеты.

С ростом сложности внутреннего мира значимо сокращается количество случаев в эмпирической выборке. Если описание Другого в ценностном жизненном мире еще можно выявить, то описаний в творческом жизненном мире в нашем эксперименте практически не встречалось. В качестве гипотезы можно предположить, что в этом жизненном мире преобладает субъектно-полиролевая позиция: субъект сознательно выбирает ролевую позицию, наиболее адекватную для ситуации общения; взаимодействие возможно из разных ролей, гибко изменяемых в диалоге.

В заключение можно сделать вывод о том, что каждый жизненный мир характеризуется особым образом Другого, языком описания отношений, трудными коммуникативными ситуациями. Для дальнейшего описания требуется расширение эмпирической выборки и привлечения дополнительных теоретических конструктов, характеризующих отношения «Я—Другой» в жизненном мире человека.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-06-10889 «Синергийно-феноменологический подход в консультативной психологии»).

ЛИТЕРАТУРА

Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: МГУ, 1984. 200 с.

Василюк Ф.Е. Модель стратиграфического анализа сознания // Труды по консультативной психологии и психотерапии. Вып. 2: Психотерапия. Сознание. Культура. М.: ПИ РАО; МГППУ, 2009. С. 38—61.

Петровский В.А. Логика «Я»: персонологическая перспектива. М.: СамГУ, 2009. 304 с.

THE PHENOMENOLOGY OF INTERSUBJECTIVE RELATIONSHIPS IN THE PERSON'S LIFE-WORLD

A.M. FEDOSEEVA*,
Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia,
am.fedoseeva@gmail.com

G.P. PIRLIK**,
Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia,
galina@pirlіk.ru

Current article presents results of a qualitative research dedicated to the phenomenology of intersubjective relationships in person's infantile, realistic, value life-worlds. The characteristics of the anthropological image of the Other as well as the basic attitudes that define relationship between the subjects life-world and the Other are described.

Keywords: life-world, intersubjective relationships, anthropological image of the Other, chronotope.

Acknowledgements

The research has been supported by a grant from the Russian Foundation for Humanities (grant № 15-06-10889 "Synergic-Phenomenological Approach in the Consulting Psychology").

REFERENCES

- Vasiljuk F.E.* Psihologija perezhivaniya [Psychology of Experience]. Moscow: Publ. MGU, 1984. 200 p.
- Vasiljuk F.E.* Model' stratigraficheskogo analiza soznaniya [Model of Stratigraphic Analysis of Consciousness]. Trudy po konsul'tativnoj psihologii i psihoterapii. V. 2: Psihoterapiya. Soznanie. Kul'tura. Moscow: Publ. Psychological Institute RAO; MGPPU, 2009. P. 38—61.
- Petrovskij V.A.* Logika "Ja": personologicheskaja perspektiva. Monografija [The logic of "I": personology prospect]. V.A. Petrovskij. Moscow: Publ. Samara State University, 2009. 304 p.

For citation:

Fedosееva A.M., Pirlіk G.P. The Phenomenology of Intersubjective Relationships in the Person's Life-World. *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2016. Vol. 24, no. 5, pp. 228—239. doi:10.17759/cpp2016240512 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Fedosееva Anna Mihailovna*, PhD (Psychology), member of council at Russian Association for Co-experiencing Psychotherapy, Assistant Professor, Department of Psychological Anthropology, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia, e-mail: am.fedoseeva@gmail.com

** *Pirlіk Galina Petrovna*, PhD (Medicine), Assistant Professor, Department of Psychological Anthropology, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia, e-mail: galina@pirlіk.ru